

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ:

Холодное сердце.
Закрой все чувства на замок.
Другая история Анны и Эльзы

Время желаний.
Другая история Жасмин

Зеркало королевы.
Другая история Белоснежки

Однажды во сне.
Другая история Авроры

Красавица и Чудовище.
Другая история Белль

Королева и ведьма.
Другая история Ариэль

Disney

КРАСАВИЦА
И
ЧУДОВИЩЕ

Другая история...
Белль

Лиз Брасвелл

#эксмодетство

Москва

2020

УДК 821.111-93(73)
ББК 84(7Coe)-44
Б87

Liz Braswell
Beauty and the Beast
Copyright © 2020 Disney Enterprises, Inc.
All Rights Reserved

Брасвелл, Лиз.
Б87 Красавица и Чудовище : другая история Белль / Лиз Брасвелл ; [перевод с английского Е. Ефимовой]. — Москва : Эксмо, 2020. — 448 с. — (Disney. Принцессы. Совсем другая история. Книги для подростков).

ISBN 978-5-04-112779-4

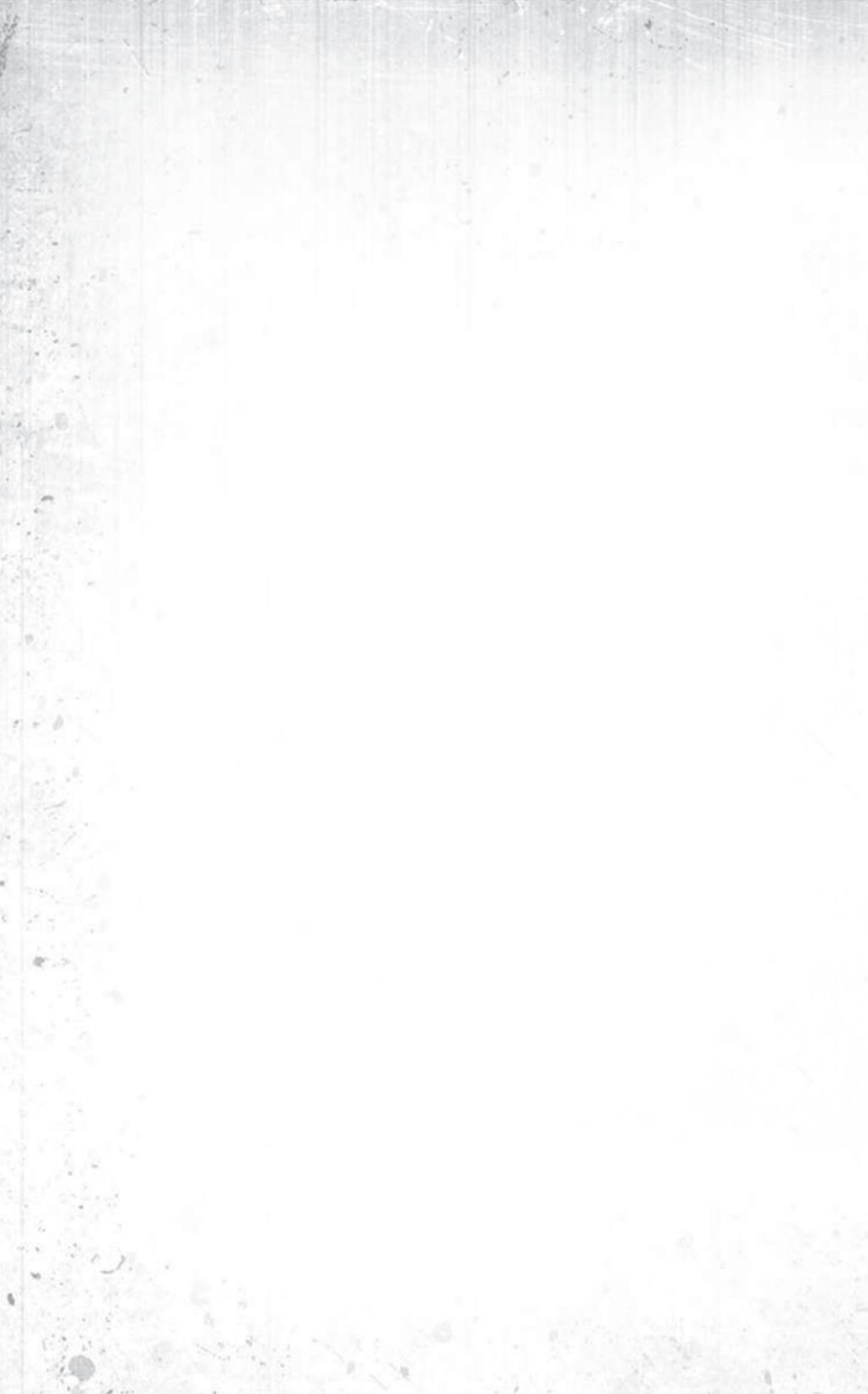
Только представьте, что могло бы случиться, если бы ваша мать, могущественная волшебница, обрекла на гибель целое королевство, а вам выпала судьба всё исправить? Можно ли обернуть время вспять и разрушить чары?

Белль никогда не думала, что её жажда приключений будет удовлетворена таким причудливым образом – она попадёт в замок к принцу, которого превратили в Чудовище. Но Белль не та девушка, которая, оказавшись пленницей в таинственном месте, станет сидеть сложа руки. Тем более что теперь именно от неё зависит судьба всего заколдованного королевства. Сможет ли Белль в одиночку противостоять не только магии, но и куда более приземлённому злу, которое опутало её родной городок?

УДК 821.111-93(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Ефимова Е., перевод на русский язык, 2017
© Издание на русском языке, оформление.
ISBN 978-5-04-112779-4 ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Ч А С Т Ь 1

ДАВНЫМ-ДАВНО

Давным-давно в одной далёкой стране жил в велико-
лепном замке юный принц. У принца было всё, чего только
могло пожелать его сердце, и всё же он был испорченным,
себялюбивым и злым.

Как-то раз холодной зимней ночью в замок пришла
старая нищенка и попросила разрешения погреться в те-
пле, а в обмен предложила принцу кроваво-красную розу.
Принцу не понравилась измождённая старуха, он с пре-
зрительной улыбкой поглядел на её подарок и прогнал ни-
щенку, но та предупредила его, что не стоит судить только
по внешности, ведь истинная красота не снаружи, а вну-
три. Принц снова велел нищенке убираться прочь, и в тот
же миг уродливая старуха превратилась в прекрасную вол-
шебницу.

Принц хотел извиниться, но было уже слишком позд-
но: волшебница увидела, что в сердце юноши нет доброты.
В качестве наказания волшебница превратила его в ужас-
ное чудовище, а также заколдовала замок и всех его оби-
тателей.

— До своего двадцать первого дня рождения ты дол-
жен стать таким же прекрасным *внутри*, каким ты был
снаружи. Если не научишься любить других — и если ни-
кто не полюбит тебя, — то в тот миг, когда упадёт послед-

ний лепесток, ты, твой замок и все его обитатели будете прокляты и преданы забвению *навечно*.

Стыдясь своего отвратительного вида, Чудовище спряталось в замке, и единственным окном во внешний мир ему служило волшебное зеркало.

Шли годы, он впал в отчаяние, потерял всякую надежду, и немудрено: разве может кто-то полюбить чудовище?

Отличная история.

Она часто служила развлечением для женщины, что лежала прикованная к жёсткой холодной кровати в тёмной комнате, похожей на нору.

Женщина годами повторяла в уме эту сказку.

Иногда она вспоминала отдельные моменты по-разному, например, роза могла быть розовой, как рассвет над морем, хотя, конечно, это звучало не так эффектно, как «крово-красная».

И та часть в самом конце, где волшебницу подкарауливают у выхода из замка, бросают в чёрную карету и тайно похищают в ночи, тоже звучит не очень-то впечатляюще. Женщина никогда не вспоминала эту часть истории.

Любой другой на её месте давно сошёл бы с ума, любой другой давно сдался бы перед лицом бессрочного заточения в темнице, забыл бы самого себя.

Порой мысли женщины действительно становились безумными, снова и снова вращаясь в пустом чайнике, в который превратилась её голова. Если бы она не проявляла осторожность, мысли давно стали бы слишком резвыми, неуправляемыми и попытались бы вырваться наружу через трещины в её сознании.

Но так приходит безумие, а женщина пока не сошла с ума.

За десять лет она почти забыла, кто она такая, но не до конца...

Шаги в коридоре.

Женщина зажмурилась крепко-крепко, чтобы не впустить внешнее безумие, которое пыталось вторгнуться в её личное чёрное безумие.

Голоса. Опять шаги. Шарканье метлы по бесконечному склизкому полу. Звяканье ключей.

— Не стоит, там никого нет.

— Так ведь дверь заперта. К чему запираить пустую комнату?

Следовало кричать, шуметь, разбить что-нибудь, только не дать этому диалогу повторяться — с небольшими вариациями — снова и снова, как происходило последние четыре тысячи дней.

— О-ох, эта дверь заперта. А ты слышишь что-нибудь в этой комнате?

— Эта дверь закрыта. Думаешь, она заперта?

— Та, что внизу, заперта, только я не помню, поместили туда кого-то или нет.

Казалось, будто Бог так и этак меняет текст в дурацкой пьесе, в которую превратилась её жизнь, и никак не придёт к окончательному варианту.

Следующие две минуты полностью предсказуемы: так нашкодивший ребёнок ёжится, понимая, что сейчас его будут ругать родители.

Поворот ключа в замке.

Дверь со скрипом открывается.

Отвратительная физиономия, пугающая уже только

тем, что она изо дня в день одна и та же, удивлённое выражение на ненавистном лице.

Мерзкое лицо принадлежит женщине, в одной руке она держит ключ, в другой — поднос. За ней в коридоре маячит другая тётка, у той в руках швабра. А за спиной второй женщины стоит высокий молчаливый мужчина — он тут для умирения тех заключённых, которые не привязаны.

Узница открывает глаза, её любопытство берёт верх над инстинктом самосохранения. Сегодня на подносе *четыре* миски с похлёбкой. Иногда их пять, иногда три. А порой только одна.

— На твоё счастье я прихватила дополнительную порцию, — говорит тётка с подносом и усаживается, так что её грязные юбки и фартук вспучиваются парусом.

Эта фраза никогда не меняется.

Узница визжит, не в силах сдержаться, не в силах отвести глаз от удручающего зрелища — жидкой овсянки, которой её кормят изо дня в день.

Тётка со шваброй возмущённо бормочет:

— Уж поверь, про новенькую я ничего не слыхала. Хотя, право слово, такое отребье следует держать под замком.

— Да уж, эту так точно. А ну-ка, доедай.

Женщина говорит это с неизменной фальшивой нежностью. Миска наклоняется всё быстрее, мерзкое варево стекает по щекам узницы на шею, и та против воли изо всех сил натягивает цепи, пытаясь собрать языком последние капли до того, как миску уберут.

— Эта достаточно взрослая, чтобы быть матерью, — равнодушно говорит женщина с овсянкой. — Только подумай, они рожают детей, растяг их и всё такое.

— Они словно животные. Звери тоже выращивают своих детёнышей. Не знаю, зачем их тут держат. Поубивать бы всех разом, и вся недолга.

— О, за этим дело не станет, не сомневайся, — глубокомысленно замечает карга с овсянкой. — Недолго им осталось.

Вот только прошло уже десять лет.

На этот раз эта ведьма уходит, не отпустив ни одной банальности. Закрыв дверь, она тут же забывает о существовании узницы и уходит.

Назавтра... и через день... и через два дня вся эта сцена повторится снова: две мерзкие карги впервые войдут в комнату... Да, для них это будет впервые.

Пленница завизжала в последний раз, отчаянно и безнадежно, а потом над ней сомкнулась тьма.

Придётся начинать историю с начала. Если начать рассказ с самого начала и хорошенько его приукрасить, всё будет хорошо.

Давным-давно в одной далёкой стране жил в великолепном замке юный принц...

Прежде начала

Давным-давно, немного раньше, чем в прошлый раз, было одно королевство, название и само существование которого давно позабылись. Остальной мир сражался за право управлять новыми землями, раскинувшимися за морями, изобретая в этой борьбе всё более смертоносные виды оружия и щедро насаждая собственную религию среди иноземных народов. А это богатое королевство просто было.

В стране этой имелись плодородные поля, дремучие леса, богатые дичью, чистенькая деревушка и красивейший замок, так и просившийся на почтовую открытку.

Королевство уместилось в уютной долине, вдали от больших дорог, и благодаря этому привлекало умных искусников, не похожих на других: чаровников. Они бежали туда, спасаясь от наступавшего на Европу нового мира.

Маленькое королевство благополучно пережило эпохи Средневековья и Ренессанса, и лишь теперь в него всё-таки начали проникать недуги цивилизованного человечества.

Однако же там по сию пору жили самые настоящие гадалки, умевшие предсказывать будущее, крестьяне, владевшие искусством добывать воду из камня во время засухи, и фокусники, взаправду превращавшие мальчиков в голубей (и иногда обратно в мальчиков).

Ещё королевство притягивало тех, кто, не обладая определёнными *силами*, мог тем не менее похвастаться разными необычными талантами и умениями — словом, тех, кто чувствовал себя не в своей тарелке среди обычных людей. Неудачники и мечтатели, поэты и музыканты, забавные чудачки, отвергнутые миром, — все находили здесь приют.

Одним из таких людей был молодой Морис. Он родился в семье простого лудильщика и с самого детства хотел странствовать, а ещё — чинить и изобретать. В отличие от своего отца Морис почувствовал перемены в древнем воздухе Европы, замечательные, механические перемены. Он грезил о будущем, в котором полно работающих на пару ткацких фабрик, воздушных шаров, способных переносить людей в дальние страны, и печей, умеющих самостоятельно готовить еду.

Твёрдо решив стать частью всего этого, Морис, памятуя о прошлом — паровых машинах Геро — и не забывая о настоящем, жадно выпрашивал всех, кто мог из первых рук поведать ему о чудесах, про которые он так много читал. Он пытливо смотрел по сторонам, высматривая шестерёнки, поршни и научные эксперименты.

Однако Морис осознал, что одними странствиями сыт не будешь: ему требовалось место, где можно посидеть и подумать, повозиться с серьёзными вещами — машинами, для которых нужно много топлива и плавильные печи. Место, в котором можно хранить всё его барахло.

Короче говоря, ему был нужен *дом*.

Следуя велению сердца, внимательно прислушиваясь к людской молве, Морис забрался в самый отдалённый уголок Европы, совершенно не похожий на остальной мир.

Сначала молодой человек остановился в крохотной деревушке, в которой были все условия для работы с водяным колесом. Однако, понаблюдав за тихой провинциальной жизнью местных обитателей, с ужасом косившихся на тележку изобретателя, полную защитных очков, всевозможных инструментов и книг, Морис понял, что ему здесь не место.

Он переправился через реку и, поплутав по лесам, набрёл на странное королевство, в котором запросто можно было увидеть человека, шепчущегося с чёрной кошкой — а кошка ещё и ответить могла. Тут спокойно можно было зайти в трактир, даже если ты весь покрыт серебристой пылью после целого дня работы, посидеть и выпить, и никто не косился на твои защитные очки со слюдяными стёклами. Местечко в самый раз для него.

Морис быстро свёл знакомство с несколькими парнями из местных и в итоге стал снимать угол вместе с одним из них.

Аларик, парень, любивший животных намного больше машин, умудрился найти им дешёвую комнату на заднем дворе одной конюшни, где сам частенько подрабатывал конюхом.

Комнатушка, надо сказать, была крошечная, да и лошадьми там пахивало, зато она располагалась рядом с большим общим двором. Морис немедленно начал сооружать там кузнечный горн, печь для обжига и рабочий стол.

Молодой человек с радостью брался за любую тяжёлую работу, чтобы скопить хоть немного денег на свои будущие исследования. Он убирал с полей камни, таскал на плечах снопы, а сам всё думал о пределе прочности разных металлов, свойствах сплавов, о том, как изготовить идеально ровный цилиндр, который потребуется ему в ближайшее время.

— Наш старина Морис опять мечтает, — говаривали работавшие вместе с ним здоровые парни, хлопая изобретателя по плечу. Но эти слова неизменно произносились уважительно и сопровождались улыбкой — точно так же работники шутили, когда называли Жозефу, служанку из таверны, Чёрной Ведьмой. Рука у девицы была тяжёлая, и подзатыльники раздухарившимся выпивохам она отвечивала не задумываясь.

В конце лета все крепкие молодые мужчины работали в полях — даже Аларик, предпочитавший ухаживать за лошадьми, а не собирать овёс. Каждый вечер после целого дня под палящим солнцем молодые люди, потирая ноющие спины, брели обратно в город, и хотя в горле у них и пересыхало, неизменно распевали песни. Разумеется, они шли напрямиком в заведение Жозефы.

Как-то вечером друзья Мориса собрались в таверне, а сам он задержался — отряхивал с одежды пыль и пытался хоть немного привести себя в порядок — и стал свидетелем интересной сцены.

Высоченный и очень крепкий на вид мужчина стоял, широко расставив ноги, и грозно хмурился. Интересно, но дальше случилось нечто ещё более интригующее.

Перед здоровяком застыла, гордо вскинув голову, самая прекрасная женщина из всех, кого Морис когда-либо видел. У неё была осанка танцовщицы и тело богини, а волосы в лучах заходящего солнца отливали золотом. На красивых щеках горел гневный румянец, зелёные глаза гневно сверкали.

Девушка взмахнула тонким ольховым прутиком и отчеканила:

— В нас нет ничего неестественного! — Голос у незнакомки оказался мелодичный и выразительный, но от зло-